

Д. В. Нечепуренко
Челябинск, Россия

ГЕРОЙ-ПРОФАН В ПЕЛЕВИНСКОЙ ХАРАКТЕРОЛОГИИ

Аннотация. В статье даётся характеристика главному герою пелевинских произведений как одному из устойчивых типов героев, составляющих его характерологию. Данный тип рассмотрен в контексте ведущей философии творчества В. О. Пелевина – как инструмент реализации авторской задачи – духовного самоусовершенствования читателя.

Ключевые слова: персонаж, герой-профан, герой-гуру, дзэн-буддизм, просветление, В. О. Пелевин.

D. V. Nечepurenko
Chelyabinsk, Russia

HERO-THE PROFANE OF V. O. PELEVIN'S CHARACTEROLOGY

Abstract. The article describes the main character Pelevin's works as one of the stable types of characters that make up its characterology. This type is considered in the context of the leading philosophy of creativity V.O. Pelevin – as a tool of the author's task – the spiritual self-help reader.

Keywords: character, hero-the profane, a hero-guru, Zen Buddhism, enlightenment, V. O. Pelevin.

В произведениях Пелевина критики обычно выделяют два типа героя — «ученик» (главный герой) и «учитель» [Кузнецов 1996]. Для известно-го в критике типа героя «ученик» мы используем следующие определения: герой-профан, духовный искатель. Как известно, профан — человек, совершенно не сведущий в какой-либо области, невежда [Ожегов 1994: 543]. Очевидно, что герой «учитель» обладает неким знанием, философией, многое объясняющей в жизни, которую герой-профан хочет понять. Определение героя-профана как «поисковика» [Маркова 2003: 50] — не совсем точное, так как вести поиск может лишь тот, кто уже нашёл исходную точку (концепт) своего поиска, уверен в ней, видит цель, тот, кто может раскладывать мир в рамках устойчивых категорий на «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное», но главный герой Пелевина скорее ещё только пытается найти то (концепт), что сформирует его дальнейший путь и поиск. Он ещё ничего не потерял, чтобы искать, он, собственно, даже не уверен и в том, что именно мог бы потерять, что искать. Правильнее было бы назвать такого героя «духовным искателем». К примеру, в рассказе «Встроенный напоминатель» женщины работницы фабрики «Буревестник» в чистом понимании слова «искать» ничего не искали, они просто пришли посмотреть на выставку, не зная о теории вибрационализма, либо другой теории, которой можно следовать, хотя, возможно, и ощущали некую тягу к высокому. Маловероятно, что они искали именно авангардную выставку и слышали именно об этой теории, к тому же, ознакомившись с экспонатами и послушав лекцию учёного, они стали себя явно некомфортно чувствовать.

— Вибрационализм, — сказал Никсим Сколпковский, обращаясь к нескольким пожилым женщинам, по виду — работницам фабрики «Буревестник», непонятно как оказавшимся на авангардной выставке, — это направление в искусстве, исходящее из того, что мы живём в колеблющемся мире и сами являемся совокупностью колебаний [Пелевин 1991].

В этом рассказе профаны — героини. Однако мужской образ для творчества Пелевина более типичен, универсален. Первичной задачей для Пелевина является духовное пробуждение (просветление) читателя (обывателя) в духе дзэн-буддизма. Это главная цель творчества писателя. Но волнует писателя и внешний мир: политика, социальные проблемы. Это важные, актуальные, но вторичные в произведении проблемы, даже если они служат основным фоном происходящих событий. Так, например, одна из тем, которые разрабатывает Пелевин, — это тема исторического рубежа России: переход от советской власти к демократии, и шире — современного политического и экономического устройства России и мира («Generation 'П'», «S.N.U.F.F.», «Бэтман Аполло»). Политическая тема, в свою очередь, связана с духовной. Различные типы власти вырабатывают определённые типы сознания, свои стереотипы, тем или иным образом искажают естественное в человеке, порождают духовные и материальные проблемы, люди, как правило, не становятся счастливые: это показал период советской власти. Данная тема особенно сильно отразилась в романе «Омон Ра», затронута в повести «Затворник и Шестипалый», а также в рассказах «Миттельшпиль», «День Бульдозериста», «Вести из Непала». Но главная философия Пелевина — дзэн-буддизм — аполитична, с ней связана тема индивидуального духовного самосовершенствования.

Так как писатель обращается к дзэн-буддизму, то важно сосредоточиться на специфическом представлении о человеке в этой философии. При создании художественного произведения В. О. Пелевин часто исходит из важнейшего положения дзэн-буддийской доктрины, которая декларирует убеждённость в том, что наше тело иллюзия, сотворённая сознанием, и что каждый феномен (явление природы), включая наше тело, служит проявлением (действия) дхарм, или субатомных сил и частиц. Эта теория экспериментально подтверждается современной наукой, в частности, квантовой физикой

(труды Ф. Капры), её положения упоминаются в некоторых научных теориях, обогащают различные виды искусств. Сторонники этой концепции считают, что практик, достаточно хорошо контролирующий сознание, способен повлиять на то, каким образом и где субатомные силы и частицы должны себя проявить. Использование писателем подобных взглядов многим российским исследователям и читателям может показаться «сектантством». Но вряд ли это так: даосизм, традиционные направления буддизма в современном мире сектой не считаются, а напротив – величайшим завоеванием мысли ряда восточных стран (Индия, Китай, Япония, Вьетнам). «Официальная» мировая философия, давно изучаемая в научном мире, пустившая корни в различные области искусства (прежде всего в странах Азии): театр, литературу, живопись, музыку. Например, древнее китайское учение фэн-шуй имеет государственный статус в Малайзии, Сингапуре. Крупнейшие мировые корпорации и банки обращаются за услугами мастеров фэн-шуй, чтобы избежать ошибок в работе, карьере. Известно, что в архитектуре современного Гонконга учитывают принципы фэн-шуй. Это даёт возможность на практике проверить действенность этих древних восточных философских и эзотерических теорий. Результаты, конечно, могут зависеть от различных факторов. Однако если посмотреть в целом, то после возвращения в свободное практическое использование этих учений (фэн-шуй, традиционные боевые искусства некоторое время были запрещены даже в Китае), их внедрения в современный мир, стали говорить об экономическом чуде Азии – пресловутые «Четыре азиатских тигра» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань). Не будет ошибкой добавить и стремительно развивающийся Китай. Традиционная восточная медицина черпает свои представления о физическом и психическом устройстве человека из трактатов именно этих философских школ буддизма.

Опора на восточную философию в художественной литературе вполне оправдана и имеет место быть, подобно тому, какое значение отводили в своём творчестве христианству такие писатели, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков. В «Священной книге оборотня», например, говорится об обмане нас нашими (человеческими) органами чувств, если мы полагаемся на них в своих суждениях о мире: «Видишь цвета – синий, красный, зеленый? Они появляются и исчезают в твоём уме» [Пелевин 2007: 105]. Точно также, например, человеческий слух. Слуховая способность летучей мыши отлична от человеческой, нетопырь может слышать звуки, находящиеся вне сферы восприятия человеческого уха. «У неё очень интересные взаимоотношения с реальностью. Она сначала кричит, а потом вслушивается в отражённый звук и делает соответствующие выводы. Так что если не шевелиться, она может оставить нас в покое» [Пелевин 2005: 111]... Как ты думаешь, что видит летучая мышь, когда до неё долетает отражённый от тебя звук?» [Пелевин 2005: 112]. Всё это было оговорено в философии дзэн-буддизма,

учитывается в современной науке [Вон 1999]. Вспомним роман «Жизнь насекомых». В приведённом ниже отрывке муха Наташа, подобно полноценному человеку одолеваемая «своими» насекомыми. «...а потом послышалось тихое жужжание и Наташа ощутила лёгкий укол в ногу; она рефлекторно хлопнула по этому месту ладонью – под её пальцами что-то расплющилось, скаталось в крошечный шершавый шарик и отлетело в воду» [Пелевин 2005: 88]. Смешением реальностей, различных уровней, существ, предметов писатель демонстрирует генетическую, космическую общность окружающего нас мира.

Дзэн-буддийское понимание устройства мира сегодня всё больше подтверждается наукой. Профессор квантовой физики из Кембриджа А. Рэй заметил: «Поскольку наше знание внешнего мира (если он существует!) мы получаем лишь на основе наших чувственных впечатлений, то уверены мы можем быть только в существовании сенсуальных данных (данных наших ощущений). Называние любого предмета из окружающего (всё, что мы действительно знаем) состоит в том, что наш ум получил информацию посредством мозга и органов чувств, которые согласуется с представлением об этом явлении действительности (предмете). Сегодня квантовая теория, созданная нашим разумом, идёт ещё дальше: настоящее существование внешнего мира, или, по крайней мере, его текущее состояние строго детерминировано тем обстоятельством, что сознающие умы его сейчас наблюдают» [Вон 1999: 63]. Постмодернист Ж. Делез также, оказывается, обращался к квантовой физике для объяснения своей философии. Описывая динамику бессознательного у Делеза, И. Ильин пишет: «...Делез допускает существование автономных парциальных объектов, минимальных по размеру и похожих на “следы” (любопытное совпадение с теорией следа Ж. Дерриды) элементов бессознательного, которых он наделяет корпускулярно-волновой природой (по аналогии с современной физической квантовой теорией света), которая якобы и организует неравномерно пульсирующий либидозный поток» [Ильин 1996: 114]. К чему же ведёт Пелевин? Кульминация его идеи – осознание того, что окружающая человека действительность по своей природе трансцендентна. На обыденном уровне сознания мы испытываем реальность, как некий обман чувств из-за наших грубых органов восприятия (например, мы не можем увидеть инфракрасное излучение, радиацию) и только в состоянии глубокого созерцания можем преодолеть феноменальный мир явлений, обусловленный нашими органами чувств, и достичь подлинного понимания вещей. Поэтому такие слова, как истина, ум, душа, интуиция и т.д., являются знаковыми в творчестве Пелевина.

Таким образом, чтобы разобраться в мире и обрести себя, герою-профану, начинающему свой Путь, необходимо уяснить принципы философии дзэн, в чём ему и помогает герой-гуру. Приведём примеры из произведений, в которых писатель использует философию дзэн-буддизма.

– Из каждого колодца ты можешь что-нибудь вынести. Они содержат бесценные сокровища. Точнее, сами по себе они ничего не содержат, и ты выходишь оттуда таким же, как вошёл. Но в них ты можешь заметить то, что есть у тебя самого.

Митя погрузился в размышления и остаток пути шёл молча.

– Я никаких сокровищ там не заметил, – сказал он, когда оба вернулись на площадку под маяком. – Я просто за один миг увидел свою жизнь. И даже больше.

– Вся жизнь, – ответил Дима, – и, как ты выразился, даже больше, существует один миг. Вот именно тот, который происходит сейчас. Это и есть бесценное сокровище, которое ты нашёл. И теперь ты сможешь поместить в один миг всё, что хочешь – и свою жизнь, и чужую.

– Но я не вижу того, что я нашёл, – сказал Митя.

– Потому что ты нашёл то, что видит, – ответил Дима [Пелевин 2005: 190].

...О том, что существует некий колодец, которым можно пользоваться. Точнее, сначала им нельзя пользоваться, потому что на первой позиции в нём нет воды, на второй её нельзя зачерпнуть, а на третьей её некому пить. Зато потом всё приходит в норму. Если я не путаю. А смысл примерно в том, что мы носим в себе источник всего, что только может быть, но поскольку первая, вторая и третья позиции символизируют недостаточно высокие уровни развития, то на них этот источник ещё не доступен» [Пелевин 2005: 185].

Как известно, читатель невольно, порой, отождествляет себя с главным героем. Пелевин особым образом выстраивает поэтику своих произведений, чтобы читатель мог через героя-профана двигаться навстречу Просветлению. Речь идет о специфическом художественном эффекте, запланированном автором, проявляющемся, в том числе, в непосредственном воздействии на сознание читателя. На внешнем, развлекательном уровне произведения читатель остаётся на своём привычном в реальной жизни бытовом уровне (типе) мышления. Но если брать более глубокий уровень, то перед внимательным и думающим читателем открывается особая художественная реальность. Здесь он испытывает намного более глубокие и серьезные чувства, решает свои личные и вечные проблемы, а не просто получает удовольствие от лёгкого, весёлого, увлекательного чтения.

Авторская задача представляется нам так: в конечном понимании человек осознаёт, что всё, испытываемое нашим сознанием как феноменальный мир, в действительности пусто. Конечная реальность, являющаяся пустотой, воспринимается обывательским сознанием как феноменальный мир ввиду загрязнения нашего разума. Такие философские воззрения излагали виднейшие философы Древнего Востока (Бодхидхарма, Авалокитешвара, Люй Дунбинь). В. Пелевин отмечает: «Буддизм меня привлекает еще и потому, что помогает очистить голову от мусора современной жизни. Я терпеть не могу всю эту шумиху, она отвлекает меня от работы» [Пелевин 2013: электронный ресурс]. «Очи-

стить голову от мусора...» – именно это он и предлагает читателю своих произведений, знакомя их с дзэн-буддизмом. Осознав, что элементы, составляющие индивидуальность (форма, чувства, мысленное восприятие, сознание) «пустотны», человек обретает освобождение от привязанности к собственному «я», и тем самым достигает понимание того, что «я» на трансцендентном уровне нереально. Освободившись от собственного «я», всего привычного, бытового, что всегда принималось за единственно истинную реальность, человек становится одним целым с Высшей Реальностью, с по-настоящему реальной природной действительностью, с истиной.

Как минимум, Пелевин заставляет задуматься. Некоторые считают, что у Пелевина нет веры в Бога или в существование души, многие могут назвать творческую концепцию писателя путаницей, к тому же сам Пелевин каждый раз может заново придумывать художественный образ-схему устройства мира и человека. Однако, на наш взгляд, никакой путаницы у Пелевина нет. Он достаточно ясно и точно отвечает на сложные вопросы. «Я вовсе не собираюсь утверждать, что моя трактовка единственно правильная, но мне эта книжка с первых же страниц напомнила нечто горячо любимое – все эти сборнички дзэн-буддистских коанов – «Застава без ворот», например. Есть некий герой-ученик – Петр Пустота, Петька – и есть масса учителей – в одном мире Чапаев, в другом главврач психушки. И между учеником и учителями постоянно идёт диалог. Как и Сократ, дзэнские учителя старались, чтобы ученик сам дошёл до истины – думать можно только самому. Вся разница – Сократ старался расшевелить раскуску ученика, а дзэн-буддисты – «абсурдок». В переводе на западный язык коан – это парадокс. Перед человеком внезапно выпрыгивает стена абсурда, он разбивает об неё лоб, и если он при этом разбивает лоб настолько сильно, чтобы пробиться на ту сторону – он пробивается на ту сторону» [Визель: электронный ресурс]. М. Визель также отмечает, что кроме В. О. Пелевина дзэн-буддизм в русской литературе использовался В. Шинкаревым в «Максима и Фёдоре», в творчестве певца Б. Гребенщикова. С. Кузнецов также находит дзэн-буддизм у Пелевина: «Отношение к авторитетам самого Пелевина ближе к тому же дзэн-буддизму, в котором непочтительное обращение с изображением или именем Будды только подчёркивает верность его учения [Кузнецов: электронный ресурс].

Произведения Пелевина учат читателя постигать предмет одновременно с разных сторон, тогда как обыденному знанию (линейному интеллекту) свойственно одностороннее восприятие и понимание. Цель – постижение трансцендентальной и феноменальной сторон реальности, формирование определённого типа личности. Для понимания характеристики Пелевина большое значение имеет понятие «пустота». Что оно может обозначать? Есть предположение, что понятие «пустота» может относиться к буддийскому положению об отрешении от мирских удовольствий и материальных благ. Но философ Вон-Кью-Кит из буддийского мона-

стыря Шаолинь находит, что в действительности, в буддийском учении не говорится ничего против верующих мирян, вкушающих законные радости и блага, хоть им и советуется не потворствовать человеческим слабостям [Вон 1999]. Говорится ли всерьёз у Пелевина об аскезе? Нет. Если и говорится, то опять же с иронией, гротеском. Вспомним способ просмотра Гиреевым телевизора в «Generation 'П'» и само изображение писателем этого персонажа. Пустота в данном случае не означает полного отсутствия, «отречения», «нигилизма», точнее будет сказать, что это отсутствие феноменов. Иными словами, писатель не требует от личности ничего запретного, кроме ясного сознания, здоровой, железной логики, чтобы адекватно воспринимать мир и вести себя в нём, несмотря на многочисленные преграды, наносной информационный мусор. Для самоусовершенствования от человека не требуется ни ратных подвигов, ни самопожертвования, ни, тем более, ухода в монастырь. Человеку не следует искать высшее и божественное вне себя, поскольку все люди изначально носители этой природы и являясь её частью, состоят из одного и того же «строительного материала», что и предполагаемое высшее (природа, Бог, Будда). Пелевин обращается к мировым религиям, даже мистицизму, чтобы найти смысл жизни и объяснить его устройство. В своём творчестве писатель демонстрирует то, что говорится в Евангелии, но, возможно, с непривычной стороны: «...не следует искать Царства Божия вне вас. Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть» ((Евангелие от Луки (17, 20-21)) [Библия 1994: 97]. Эта проблема отчётливо прослеживается в романе «t»: Оптина пустынь, образы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Учитывая схожесть всех мировых религий, их обращение к человеческой душе, обратимся к восточным: ислам, суфизм, буддизм. В исламе основой человеческой жизни считается рух – дух Божий; в индуизме атман внутри (человека) – выражение Брахмана, Всеобщего Духа. Что предлагает Пелевин взамен всех религий, если ни одной он не отдаёт предпочтения? Он считает, что человек, обладающий полноценным видением, постигнув реальность, неотъемлемой частью которой он является, понимает, что она неразличима. Хотя Бог, которого у Пелевина заменила категория истины, постоянно является объектом размышлений главных героев, здесь едва ли найдутся традиционные «восхваления» в его адрес. Он нейтрален, словно это некая научная теория об устройстве мира, закон о космическом порядке вещей. Достижение рая на небесах не является целью для писателя, несмотря на наличие в его творчестве проблемы спасения. Поскольку нравственная чистота – это всего лишь естественное условие, предвещающее духовное развитие, то и совершение благих дел – не самоцель, поэтому и не предмет для изображения, если они и имеют место быть, то о них упоминается вскользь. Главному герою можно их вообще не совершать, так как главное – внутренняя работа над собой. Можно сколько угодно заниматься благотворительностью, строить

храмы, но при этом остаться духовно недалёким человеком.

Большая часть повествования у В. О. Пелевина обращена к сознанию читателя. Испытывающему трудности в чём-либо не мешало бы найти доброго, обладающего обширными познаниями друга-наставника, чтобы он направил в нужное русло и указал на сделанные ошибки. На такую роль друга-наставника ненавязчиво претендует сам писатель и очень удачно её исполняет. Он выступает в роли гуру, которого как бы и нет (читатель сам выбирает книгу, сам покупает, читает, размышляет).

Для истинного почитателя творчества В. О. Пелевина жизненно важно решение определённого ряда проблем и тяга к деятельному познанию. Это размышления, представления о человеке как о целой вселенной, можно ли представить человека ею? Способен ли человек создать собственный рай или ад, что он может сотворить и каким образом? Как он может спасти других, если спасает себя – и так далее. В своём поиске решения этих проблем писатель большие надежды возлагает на опыт, чем на книжное знание (которое не отрицает полностью). Поэтому Пелевин часто использует в поэтике игру, трёхмерность (компьютерные приёмы), стилевое многообразие, синтез, интуитивизм, спонтанность, мистицизм, а не академические правильность и планомерность. Всё это для того, чтобы достичь эффективного контакта с читателем, чтобы тот не ушёл от непосредственного опыта философского постижения мира, так как суть духовного совершенствования ищется на практическом, а не только на рассудочном познании, внешних действиях. Можно много и усердно размышлять о благородстве и справедливости, читать их описания, представлять себя таким, но если никак не проявлять себя практически в этом ключе, то это пустое времяпрепровождение, и человек остаётся таким же невеждой, каким был. Самое правильное и эффективное, когда взгляды человека формируются на его личном опыте, а не только на вере или авторитете одних лишь священных писаний, литературной классики, мировых философов, личной симпатии.

ЛИТЕРАТУРА

- Библия. – М.: Российское Библейское Общество, 1994.
- В. Пелевин: история России – это просто история моды [Электронный ресурс]. – URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-gaz/1.html> (дата обращения: 23.05.2013)
- Визель М. Легко ли не быть Пелевиным? [Электронный ресурс]. – URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-legko/1.html> (дата обращения: 23.05.2013)
- Вон К.-К. Энциклопедия дзэн: пер. с англ. – М.: Фаир-пресс, 1999.
- Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
- Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? (Об одной авантюре Виктора Пелевина) // Новое лит. Обозрение. – 1997. – № 28. – С. 244–259.
- Кузнецов С. Василий Иванович Чапаев на пути войны // Коммерсантъ-Daily. – 1996. – 27 июня.

Кузнецов С. Пелевин: тот, кто управляет этим миром [Электронный ресурс]. – URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/okuznp/1.html> (дата обращения: 23.05.2013)

Маркова Т. Н. Проза конца XX века: Динамика стилей и жанров. Материалы к курсу истории русской литературы XX века. – Челябинск, 2003.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. – Екатеринбург: Урал-Советы, 1994. – 800 с.

Пелевин В. О. Жизнь насекомых: Избранные произведения. – М.: Эксмо, 2005.

Пелевин В. О. Священная книга оборотня. – М.: Эксмо, 2007.

Пелевин В. О. Синий фонарь. – М.: Текст, 1991. .

Данные об авторе:

Нечепуренко Дмитрий Валерьевич – соискатель кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета; преподаватель литературы Южно-Уральского многопрофильного колледжа (Челябинск).

Адрес: 454038, г. Челябинск, ул. 50 лет ВЛКСМ, 1

E-mail: dsyan@mail.ru

About the author:

Nechepurenko Dmitriy Valerievich is a Researcher of the Department of Mass Communications of the Chelyabinsk State University; the Teacher of Literature of the South Ural Versatile College (Chelyabinsk).